

Сон разума порождает чудовищ

Владимир Порудоминский

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

Новая книга Игоря Шесткова называется - „Алконост“.

О предыдущей, которая называлась „Африка“, я уже писал.

„Африка“ сопрягается с „Алконостом“, как первая часть известного изречения (сон разума) сопрягается с изречением в целом: Сон разума рождает чудовищ.

Книга Игоря Шесткова о том, как разум, поверженный в тягостный, вязкий, похоже, беспробудный сон, рождает чудовищ и пожирается чудовищами, им рожденными.

В книге встречаем полнящиеся образами кошмарного бестиария сюрреалистические тексты, умышленно и интуитивно производимые героями рассказов, призраки, рождаемые изуродованным воображением, фантасмагорические видения сна и предсмертные видения. То тут, то там в слове будто воплощаются фрагменты живописи Босха, листов Гойи.

Но рядом, на страницах книги возникает и движется обыкновенная „совковая“ (применяя вовсе не исчерпавший себя термин) жизнь, в своей обыкновенности не уступающая самым чудовищным фантасмагорическим видениям.

Какой-нибудь Утконос (имя-чудище), один из героев этой жизни (не только одноименного рассказа), жаждущий расстрелять двадцать и тридцать тысяч человек, противящихся быть окончательно созданными по его образу и подобию, ничуть не менее страшен и невыносим для незамутненного сознания, чем рыбы на ходулях и осьминоги с алебардами, преследующие его самого в смертельной агонии. И доносчица, играющая в омерзительные, ничтожные

эротические игры с парторгом-любовником, на которого тоже доносит, - не персонаж ли она того атласа чудовищ, создавая который, мастер дерзнул, отчаялся предъявить людям свидетельство безумия мироустройства? И не со страниц ли того же атласа трусливый мальчик (с возрастом он достигнет полного „совкового“ благополучия), который боится всего, боится всех и, похоже, именно поэтому, охваченный сладостной истомой, садистски мучает пойманных насекомых, которых тоже боится?..

Свадьба - явление, казалось бы, полностью вписанное в пространство быта, - с брачной церемонией в ЗАГС'е, обязательной фотографией на Ленинских горах, праздничным пиршеством, наконец, первой ночью, в воображении жениха начинает оборачиваться картинами чудовищной скотобойни - и готова закончиться убийством. Быт, который здесь и бытие, поскольку в жизни, целиком им захваченной, для бытия не остается места, при взгляде со стороны (воспроизводимым автором) безумен, но безумно и воображение жениха, сформованное этим бытом.

Реальность и пораженное сном разума воображение уравнивают, создают друг друга, одно в другое перетекают.

Это подтверждается самой конструкцией книга: публицистические и эссеистские тексты (очерки, заметки, отрывки из писем), перемежая „чистую“ прозу, воссоздают образ той же, что и в ней, чудовищной жизни-быта, переключаясь даже в подробностях. Фотографии плакатов советской эпохи, которыми оформлена книга, примитивные до полного отсутствия живой мысли, слащавые образа, сдобренные такими же, не предполагающими обработку сознанием слоганами, на протяжении десятилетий олицетворявшие фон и содержание нашей жизни, хоть и вызывают улыбку, не менее ужасны, чем миражи бесноватого.

На первой странице книги - своеобразным эпиграфом - возникает, всего „на мгновение“, безыменная старушка в старомодной шляпке, сидящая на дворовой скамеечке: „В ее черных глазах застыл непонятный нам, родившимся после

смерти Сталина, ужас“. Дети немилосердно дразнят и мучают старушку. „Мне не было тогда жалко эту женщину, наоборот, я получал наслаждение от безнаказанности зла“.

Игорь Шестков пишет об обществе (точнее - о совокупности особей), главная отличительная особенность которого - царящий в нем страх. В каждой данной особи страх отзывается самым подлым рабством при встрече с сильным и вместе навязчивой потребностью „ловить и закабалить другие существа“, слабых. Страх - оплодотворяющее семя в процессе зачатия чудовищ. Создает ужасы человек, сам живущий в мире ужасов. Игорь Шестков пишет о самоуничтожении и об „иррациональной злобе“ раз и навсегда напуганных людей. Освободиться от своего страха значит для них обрести место в ином порядке чудовищ; шаг к свободе им недоступен - их „двигательные центры“ парализованы. Человек, окончательно утративший способность осознания собственного „я“, окончательно укоренившийся на крошечной территории скудных мыслей, поступков, желаний и притязаний, радуется обретенному постоянству. Рассказ о таком человеке называется - „Вечная жизнь Зубова“.

Герои Игоря Шесткова - люди не „плохие“, не „хорошие“, не „добрые“, не „злые“: они - такие. Такие, какими создали их генетика, биологическая и социальная, и среда обитания.

В эссе „Шесть посланий виртуальной возлюбленной“ Игорь Шестков пишет, что неизменно думает „о единственном нашем даре - милосердии (во всем остальном так дальше крабов и не пошли)“. Чуть отступив от текста, спохватываешься, что в нем, вроде бы и мельком, упомянуто о голодном деревенском детстве чудовищного Утконоса, отце-калеке, рано умершей матери, разрушенной церкви, расколовшемся колоколе. Что доносчица терпеливо ухаживает за безумной старухой-матерью, которую преследуют вредители с призраком Кагановича во главе. Что в комнате жениха-убийцы, теряющего разум от необходимости подчиняться неподатливым законам неприемлемого мироустройства, ясным бликом на стене репродукция „Ангела - Златые Власы“... Но привычное „ревушее многоголосое эхо раздраженного мира“ чудовищ

сильнее шопота милосердия. Исход оборачивается страшным крабом видения, раздавливающим гигантской клешней тело, волю, рассудок.

Герой рассказа „Алконост“ (заглавие, давшее название всей книге), молодой человек, рожденный скорее всего на что-то доброе, но озлобленный неизбежными материальными и еще более нравственными тяготами проживаемой жизни, подобно большинству своих соотечественников, высматривает виновников несправедного мироустройства в фантомах, навязанных ему пропагандой, предрассудками, смятенными поисками не развитого гуманитарным воспитанием духа. С мыслью отомстить тому, кто отнял у него возможность жить полно и счастливо, он с отроческих лет мастерит самопал, но, когда настает время возмездия, перебрав мысленно всех, кто, полагает он, достоин кары, стреляет в себя. В посмертном видении является к нему обретенным наконец счастьем прекрасная птица Алконост...

Эпиграфом к книге взяты старинные стихи о птице райской и строки Н.Клюева о ней. Но есть об Алконосте и у Блока: „И с окровавленной ресницы // Катится тяжкая слеза“...

Лессинг в трактате об искусстве „Лаокоон“ замечает, что при изображении сильных чувств, страдания прежде всего, художник не должен передавать предельные состояния: надо оставить для зрителя некоторый простор, возможность самому почувствовать, додумать, продвинуться до высшей точки. Рубеж, „обрыв“ разрушает гармонию, выбрасывает нас из ее пространства, либо рывком останавливает на рубеже с ногой, поднятой, чтобы в отчаянии шагнуть в неведомое и страшное. Игорь Шестков, похоже, не стремится следовать урокам, преподанным классическому искусству. В мире, нам доставшемся, устремленность „от внутреннего хаоса - к внутреннему миру, к чудесной ясности“ уберегает себя лишь в молитве и в мечте об ином, уготованном нам по смерти мире. Игорь Шестков пишет от имени „потерянного поколения“, из которого „росло дикое мясо современности“. Вековая мечта о мире с миром и с самим собой оборачивается для этого поколения хаосом внешним и хаосом внутренним, которые сталкиваются, соединяются друг с другом, друг друга

взаимообразуют. Игорь Шестков работает на пределе, не опасаясь оступаться в запредельное. Он не ищет мелодических созвучий и стройных сочетаний, чтобы передать дисгармонию реальности. „По линии отторжения реальности от сознания бежит слово... Тут музыки нет. Одни грубые ударные...“ - жестко и печально завершает он свой разговор с читателем.